

Дорогой товарищ Тито

В заключение на Пленуме, как это следовало из повестки дня, обсудили поездку Булганина с Хрущева в Югославию. В Президиуме ЦК сформировались два полюса: на одном – отец, Булганин, Маленков, к ним примыкал Шепилов, считавшие, что Югославия – страна социалистическая, с ней следует дружить по всем линиям: и государственной, и партийной. Иного мнения держались сталинисты-традиционалисты, их позицию представлял Молотов: если с Югославией и дружить, то только как с буржуазным государством. Молотов не мог и не хотел перестраиваться: еще вчера мы клеймили «предателей» Тито – Ранковича, а сегодня они – единомышленники!

Чтобы хоть как-то пригасить скандал, отец предложил создать комиссию из академиков. Пусть они, мудрецы-оракулы, вынесут вердикт, что за страна Югославия – буржуазная или социалистическая. Так во времена средневековой схизмы ученые богословы выясняли истинную «святость» того или иного завета. Ученые поддержали отца, 12 мая 1955 года представили заключение: Югославия по всем параметрам – страна социалистическая. Молотов с ними не согласился, стоял на своем.

А тем временем изменения в отношениях с Тито происходили с такой головокружительной скоростью, что региональные руководители порой не успевали подстроиться под новые веяния. Забегая вперед, вспомню забавную историю, произошедшую на пограничной железнодорожной станции, с которой 1 июня 1956 года начинался ответный визит президента Тито в Советский Союз. Вконец запутавшееся местное начальство вывесило на здании вокзала огромный транспарант: «Да здравствует товарищ Тито и его клика!» Не знаю, правда ли это, но в Москве о происшествии с незадачливыми провинциалами судачили на всех уровнях. Сами москвичи сориентировались быстрее, Аджубей с «выражением» декламировал отцу сочиненную якобы не им частушку:

Дорогой товарищ Тито,
Ты наш друг и брат,
Как сказал Хрущев Никита,
Ты ни в чем не виноват.

Но это все в будущем, а в 1955 году разногласия с Молотовым по Югославии достигли такого накала, что отец решил заручиться поддержкой Пленума. Молотов не сдался и на пленуме, но победил отец. Пленум дал оценку в «сталинских» традициях: «т. Молотов допустил политически ошибочные утверждения, извращающие понимание ленинских принципов в национальном вопросе, существа пролетарского интернационализма».

Еще недавно после подобного решения Пленума ЦК – одна дорога, во «враги народа». Но времена изменились, Молотов остался членом Президиума ЦК, продолжал упорствовать, его отношения с отцом все больше натягивались. Еще совсем недавно мы всей семьей ездили к Молотову на дачу в гости. Теперь «гости» закончились. Они не ходили к нам, мы – к ним.

Осуждением позиции Молотова на Пленуме ЦК в июле 1955 года споры вокруг Тито не прекратились. Через год маятник качнулся в противоположную сторону. Во время уже упомянутого визита Тито в СССР, 1 – 26 июня 1956 года, отец и Булганин как могли демонстрировали Тито дружеское расположение. Я это хорошо помню. Тито отвечал тем же, правда, в более сдержанной манере.

Отец с Тито не просто обменивались заверениями дружбы в речах и тостах, но и демонстративно держались все время вместе и не всегда следовали протоколу. В один из дней, окруженный мотоциклистами, кортеж следовал по запруженной людьми улице Горького (Тверской), и вдруг отец попросил остановиться неподалеку от памятника Пушкину. Он решил предложить Тито прогуляться пешком до Кремля.

Отец никогда не боялся толпы людей, к возможности покушения на него относился философски – от судьбы не уйдешь. Сама вероятность покушения в мирное время ему представлялась ничтожной по сравнению с возможностью погибнуть от немецкой (или своей) бомбежки во время войны. А их он тогда пережил множество. Тито с готовностью согласился, он, как и отец, любил ходить «в народ». День стоял жаркий, они вышли из открытого зиловского лимузина и смешались с толпой. Смешались в буквальном смысле этого слова. Прохожие с удивлением глазели на Тито и Хрущева, вот так, запросто, гулявших среди них. Отец подвел гостя к памятнику Пушкину, начал что-то рассказывать, но Тито остановил его. За годы жизни в Москве перед войной он хорошо изучил достопримечательности нашей столицы и не хуже отца знал, кто такой Пушкин. Потом они направились вниз по улице Горького к Красной площади и минут через десять добрались до популярного в те годы кафе-мороженого «Лиры», что напротив Центрального телеграфа. Тем временем новость, что вот тут, рядом, по тротуару идут Хрущев с Тито, облетела весь центр. Поравнявшись с входом в кафе, лидеры стран оказались в плотно спрессованной толпе, с трудом сдерживаемой охранниками.

Обычно отца охраняли три человека. По случаю приезда Тито подбросили еще человек двадцать в штатском. Совершенно недостаточно для «обеспечения» пешей прогулки по центральной московской улице. Ответственный «за мероприятие» – начальник «девятки» полковник КГБ Николай Степанович Захаров быстро сообразил, что наличными силами с толпой не совладать, люди задавят и отца с Тито, и его самого.

Вход в кафе показался ему путем к спасению. Для его блокирования имевшихся людей достаточно. Захаров подошел к отцу и шепотом предложил укрыться в кафе, а заодно угостить гостя московским мороженым. К тому времени отец и сам понял, что дело принимает нешуточный оборот и не возражал. Тито уговаривать себя не заставил, толпа напирала все сильнее.

Отец с гостем нырнули в спасительную дверь, охранники ее тут же закрыли.

Толпа в ожидании, пока отец с гостем насладятся мороженым и вновь появятся на улице, успокоилась.

Тем временем Захаров вызвал машины и усиленный наряд милиции в форме. Через полчаса он доложил, что можно следовать дальше. Отец начал было подниматься из-за стола, но вдруг, что-то вспомнив, осмотрелся по сторонам и позвал своего начальника охраны: «Столяров!»

Пока тот ковылял к отцу (во время войны Столяров был ранен в ногу), Захаров опередил его. Отец жестом попросил почти двухметрового Захарова наклониться и шепнул, надо расплатиться, а денег у него нет. Николай Степанович успокоил отца, он за все уже расплатился.

Милиция организовала живой коридор от двери кафе до лимузина. Люди толпились у них за спинами, не напирали. Отца с Тито встретили, а затем и проводили приветственными возгласами.

Вечером, по возвращении домой, отец рассказал о своем приключении, посмеялся над тем, как им пришлось укрываться в кафе, и попросил маму вернуть долг Захарову.

Однако дружба дружбой, но отец ни на минуту не забывал, что Молотов сотоварищи внимательно следят за каждым его словом, и в отношении Тито не допускал ничего «идеологически сомнительного». Булганин же, по наивности, 5 июня 1956 года на официальном завтраке в Кремле в честь президента Тито поднял бокал: «За друга, за ленинца, за нашего боевого товарища».

Молотов потребовал официального расследования, как это Булганин посмел назвать Тито «ленинцем», с последующим осуждением Булганина специальным решением ЦК. Отец вступился за своего друга, но Молотов настаивал, ссылаясь на принятое годом раньше решение ЦК о Югославии. В нем слово «ленинец» отсутствовало. Сошлись на компромиссе. 29 июня 1956 года Президиум ЦК рассмотрел «дело Булганина». В своем выступлении отец признал «заявление т. Булганина преждевременным», согласился с Молотовым, что «назвав Тито ленинцем, Булганин проявил неосторожность и об этом надо сказать», однако он уговорил коллег дело Булганина на Пленум ЦК не выносить, ограничиться упоминанием его «неосторожности» в информационном письме, рассылаемом китайской, итальянской, французской и другими компартиями.

И тем не менее, Николай Александрович на отца обиделся. Он себя виноватым не ощущал. Я тогда тоже не очень понимал, чем нагрешил бедный Николай Александрович. На мои расспросы отец отвечал невнятно, а затем и вовсе попросил к нему не приставать. Я и сейчас не понимаю существа спора: если Югославию признали страной социалистической, то почему Тито не марксист-ленинец? Какая-то средневековая схоластика. Однако после того как отец не захотел или не смог удовлетворить мое любопытство, вопросов я больше не задавал. Уже четверокурсник, я начинал понимать, что на некоторые ответов просто нет.

Впервые я это ощутил на первом курсе, в 1952 году. Семинары по научному коммунизму в МЭИ считались неинтересными, но к посещению обязательными. Занятия, не отклоняясь ни на йоту от «Краткого курса истории ВКП(б)», вел доцент Василий Михайлович Москаленко. Большинство студентов слушали его вполуха, читали, играли в «морской бой». Он на студентов, в свою очередь, тоже не обращал особого внимания, привык. Я же, в числе немногих, Василия Михайловича, как и положено, прилежно конспектировал.

Москаленко начал рассказывать о грядущем коммунизме: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Я поднял руку: «А если у меня потребностей много, а способностей нет, то тогда как?» Москаленко что-то пробормотал в ответ, да так, что я слов его почти не разобрал и продолжал настойчиво тянуть руку. Москаленко недовольно буркнул: «Подойдите ко мне после лекции». В перерыве он затолкал меня в угол и прошипел:

«Не думайте, если ваша фамилия Хрущев, вам дозволено задавать такие опасные вопросы. Очень опасные». Больше он ничего не сказал, уложил конспекты в портфель и ушел. Я тогда на него обиделся, а теперь думаю, что он искренне меня предостерегал. 1952 год не располагал к «вольностям». Я этого еще не понимал, а он отлично знал, где «удовлетворят» мое любопытство.

Не могу сказать, что проблема «коммунизма» в 1952 году меня особенно интересовала. Уже на следующей лекции по физике, ее блистательно читал тогда еще доцент, а в будущем академик Леон Михайлович Биберман, я выбросил их из головы, все эти, как мне казалось, «глупости». В 1956 году вопрос марксист ли ленинец Тито или не марксист-ленинец, меня тоже занимал очень недолго. После физики электрона я увлекся теорией автоматического регулирования.